
УДК 323.27

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ КАК ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ: К ТЕОРИИ ВОПРОСА

Дудинов М.А.,

студент, Финансовый университет,

Москва, Россия

m-dudinov@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема влияния интересов элит на революционные и контр-революционные процессы, а также роль внешнего воздействия на эти процессы. Автор анализирует систему детерминант формирования интересов элитных групп. Рассматривается трансформация в ходе социальных процессов национальных интересов как одного из факторов формирования целей элит. Выявленные закономерности могут способствовать повышению устойчивости социальных общностей и предсказуемости действий политических акторов.

Ключевые слова: революция; контрреволюция; политическая элита; интересы элит; национальные интересы; глобализация.

REVOLUTION AND COUNTER-REVOLUTION AS A FORM OF EXPRESSING POLITICAL INTERESTS: TO THE THEORY OF THE QUESTION

Dudinov M.A.,

student, Financial University,

Moscow, Russia

m-dudinov@mail.ru

Abstract. Article focuses on the problem of the influence of interests of elites on revolutionary and counterrevolutionary processes and the role of outside influence in these processes. The writer looks at the determinants of interests of elite groups. The article examines the transformation of national interests as one of the factors that shapes the interests of the elites. Revealed patterns can contribute to increasing of stability of social commonalities and predictability of actions of political actors.

Keywords: revolution; counterrevolution; political elite; interests of elites; national interests; globalization.

Научный руководитель: **Галас М.Л.**, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института проблем эффективного государства и гражданского общества, Финансовый университет.

Столетие Великой русской революции 1917 г. делает исследование вопросов, касающихся предпосылок, причин и хода революционных событий, по-настоящему актуальным. В данной работе объектом исследования является воздействие политических элит на развитие таких событий.

Целью данной работы является выявление теоретико-методологических взаимосвязей между интересами политических элит и революционными и контрреволюционными событиями. Среди задач можно выделить: 1) рассмотрение различных подходов к пониманию элит в свете революционных и контрреволюционных событий; 2) определение субъективных мотивов и объективных регуляторов действий элит; 3) установление роли внешнего влияния на действия элит; 4) определение актуальности или устарелости объективных регуляторов действий элит в условиях культурно-экономической глобализации и мондиализации.

В политических процессах одним из наиболее значимых субъектов воздействия являются элиты в силу значительности контролируемых ими инструментов и ресурсов. Поэтому события, определяемые как революционные либо контрреволюционные, а также социальная напряженность, которая их сопровождает, могут быть рассмотрены как форма проявления интересов элит. Безусловно, объективное недовольство населения имеет серьезное значение, однако без «сочувствия» со стороны некоторой части элиты революция может быть быстро подавлена. Важно отметить, что революции и контрреволюции сами по себе не являются ни положительными явлениями, ни отрицательными. Куда более существенно то, чей интерес доминантен в процессе определения «направленности» тех или иных событий.

Политическая элита — это сравнительно небольшая группа лиц, обладающая реальной возможностью влиять на принятие политических решений на основании контролируемых ею ресурсов: материальных, политических, символических, человеческих, информационных и т.д. Таким образом, в определении «политической элиты» я склоняюсь, скорее, к альтиметрическому (г. Моска, Г. Ласуэлл) подходу в понимании элит. Тем не менее аксиологическое наполнение термина «политическая элита» исключать не сто-

ит, к чему мы обратимся ниже. Следует сделать оговорку о том, что исследователи-элитологи и их предшественники (Платон, Аристотель, Макиавелли [4, с. 67–70] и др.) вместо термина «политическая элита» могли использовать следующие: правящий класс [8, с. 187–198], политический класс и др. Однако объекты исследования, в общем и целом, совпадают. Важно также заметить, что к политической элите справедливо отнести не только высшие государственные чины, но и руководство политических партий, крупнейших владельцев активов, идеологов, нередко и представителей конфессиональной элиты (Ватикан, Иран) и т.д., т.е. всех тех, кто оказывает реальное влияние на процесс принятия политических решений.

Под революцией автор понимает такое социальное явление, которое, опираясь на существенное недовольство, по крайней мере, части наиболее активных социальных групп (интеллигенция, молодежь), предполагает смену правящей элиты (переворот) и доминирующей социально-политической парадигмы общества. В дополнение к этому необходимо сказать, что, несмотря на определяющую роль внутренней конъюнктуры, внешнее влияние приобретает все большее значение в глобализирующемся мире. Не всегда недовольные политические группировки могут самостоятельно добиться революционного изменения существующего положения дел. Ведь если речь идет о перевороте, то недовольства проводимой политикой может оказаться достаточно для легитимизации смены власти. В случае же революции глубокие изменения коснутся регионального, местного уровня власти, а также фундаментальных принципов правления. Это, вероятно, вызовет серьезное сопротивление. Кроме того, после захвата власти (переворота), который является обязательным атрибутом любой революции, есть вероятность, что обновленный истеблишмент будет лишен легитимности в глазах мирового сообщества. Например, по причине изменения доминирующей общественно-политической парадигмы, которая отныне учитывает интересы внешних субъектов в меньшей мере, чем предыдущая. С определенной долей вероятности, это повлечет наложение санкций, изоляцию или в крайнем случае военную интервенцию с целью поддержки «легитимного правительства».

Показательным примером может послужить Исламская революция в Иране 1978–1979 гг., повлекшая изоляцию этого государства и осуществление международной поддержки Ирака в ходе ирано-иракской войны. Исходя из этого, для элитных групп имеет место потребность во внешнем ресурсе, способном не только обеспечить системный разрыв с предшествующим уровнем порядка социальной структуры, но и гарантировать международное признание.

Внешний ресурс может быть условно пассивным: заимствованная идеология, структурный дрейф культурных институтов. Но также активным: внешнее информационное давление, прямое воздействие внешних субъектов на внутреннее положение посредством аффилированной с ними части элит. В первом случае создается первичный контекст для случайного начала революционных событий. Во втором же подразумевается определенная управляемость событий, что вплотную подводит нас к следующему важнейшему феномену: контрреволюции.

«Контрреволюция» мною рассматривается в ином смысле, нежели тот, что был сформирован в XX в. и в особенности в период гражданской войны в России 1918–1920 гг. и обозначал регрессивное явление, проводником которого являются реакционные контрэлиты (в прошлом — правящие), которые жаждут возврата своих позиций [10, с. 275–276]. Это можно условно обозначить «запоздалой» контрреволюцией. Здесь же и далее контрреволюция понимается как превентивная и необязательно регрессивная реакция политической системы на события революционного характера. Исходя из этой дефиниции, контрреволюция рассматривается как направленное ответное воздействие с целью сохранения власти. Так как эта реакция имеет системный характер, она возможна преимущественно на основе внутренних ресурсов системы, главный из которых — лояльность элитных групп. Важно заметить, что контрреволюция как форма внутрисистемного противодействия внесистемному вмешательству, в отличие от революции, вряд ли может опираться на внешний ресурс. Ведь это означало бы существенное включение интересов внешних субъектов в процесс принятия решения и, как следствие, вероятное ослабление системы. В качестве примера можно вспомнить события гражданской войны 1918–

1920 гг. Несмотря на, казалось бы, реакционность противостоящих большевикам сил, активное взаимодействие с определенными державами вряд ли дало бы возможность восстановить утраченное имперское наследие. Конъюнктура претерпела изменения, и остальные акторы едва ли были заинтересованы в реструктуризации потенциального конкурента. Однако же стоит сделать оговорку и отметить то, что контрреволюция может опираться на безвозмездную помощь внешних субъектов. Такой «альтруизм» может быть объяснен серьезной заинтересованностью страны-помощника в стабилизации положения. Так, Российская империя не была заинтересована в образовании республики вблизи своих юго-западных границ, в создании которой активную роль играли польские военные и интеллигенция, поэтому подавление венгерского восстания 1848–1849 гг. виделось необходимым для недопущения распространения беспорядков на территории России.

Здесь перед нами предстает еще одна «система координат», которую нельзя не учитывать при анализе действий элит: национальные интересы. Под ними понимаются не столько интересы определенной этнической группы, сколько объективные интересы определенной политико-правовой общности (государства и, шире, общества). Эти интересы являются проекцией целого ряда объективных условий: географического положения, уровня социально-экономического развития, менталитета, степени вовлеченности в мировую экономику, ресурсной обеспеченности, климата, этнического, конфессионального, демографического состава населения, исторического опыта, традиций, обычаев. Конечной целью таких интересов является укрепление и усиление общности. В древности же это обозначалось иначе: «общее благо», о котором писали Конфуций [3, с. 17] и Лао-Цзы в Китае, Платон и Аристотель в Греции, Цицерон и Сенека — в Риме. Определенный идеализм в этом вопросе сохраняется и сегодня.

Национальные интересы представляют собой определенные «рамки», или бессознательный «мейнстрим», с которым для удержания власти стараются сопоставлять свои действия центры принятия решений. Однако помимо национальных существуют интересы различных социальных групп и индивидов внутри общества, часто не совпадающие с национальными в принципе.

В нашем случае речь идет об элитных группах. Налицо определенный дуализм «потоков» или «течений» интересов в обществе. С одной стороны, объективная составляющая национальных интересов, которые связаны преимущественно с внутренним потенциалом общности и направлены на ее укрепление. С другой стороны, мы видим субъективную заинтересованность групп, являющихся «дискретными составляющими» данной общности, которая не всегда совпадает с национальными интересами или связана с ними, но может активно влиять на проводимую политику.

Как должны соотноситься данные положения? Безусловно, полное совпадение всех интересов – состояние идеализированное и абстрактное, на практике не осуществимое. Ведь в этом случае индивиды не должны обладать субъектностью как таковой (на основе свободы воли, частной собственности) и, как следствие, иметь свои интересы. Примером такого общества, в общем и целом, может послужить государство Платона [9, с. 84–87, 184–190]. В то же время установление полярной противоположности национальных интересов и целей элит вряд ли возможно и, кроме того, чревато социальным коллапсом. Здесь мы наталкиваемся на дуализм статичности и динамики, так как в первом случае социальные конфликты невозможны, а во втором – ярко выражены.

Опираясь на работы мыслителей из различных областей научного знания: Ш. Монтескье [6, гл. XXII], Г. Спенсера, Г. Зиммеля, К. Маркса и многих других, можно сделать вывод о том, что конфликтность, в определенной степени, не просто свойственна человеческому обществу – она является необходимым условием его развития. Таков один из важнейших принципов современной конфликтологии. А потому различие в интересах общего и частного для человеческих общностей оправданно. С другой стороны, идеализировать конфликт не стоит. Равно как состояние перманентной войны не является желательным для мирового сообщества, также и бескомпромиссный, затяжной конфликт внутри социума вреден, а потому единство интересов, в некоторой степени, необходимо.

Далее, если государство как проводник национальных интересов устанавливает общие «правила игры» в правовой, экономической, со-

циальной жизни общества, то справедливо отметить также и стратегическую роль национального интереса в политической сфере. А потому его определяющая роль при установлении фундаментальных принципов политической деятельности в рамках общества вполне естественна. Тактические же решения о конкретных методах и средствах в рамках общей концепции закономерно могут решать элитные группы. В противном случае субъективный интерес может иметь решающее значение, что придаст политической системе неустойчивый характер. Ведь далеко не всегда элитная группа осознает национальные интересы или желает им следовать. В случае же несоответствия проводимой политики объективным вызовам, рост недовольства населения неизбежен, что может поставить положение правящей элиты под вопрос. Необходимости такого соответствия особенное место уделял Ш. Монтескье в своем труде «О духе законов» [7, гл. 3].

Теперь, когда мы рассмотрели «объективную» сторону интересов внутри общества, вернемся к «субъективному»: лояльности элит как главному ресурсу контрреволюции. Если о средствах и методах революционной деятельности, как она понимается в статье, писало множество исследователей, то о контрреволюции в обозначенном выше ключе говорилось несравнимо меньше. А ведь это принципиально важно: каким образом общность может добиться устойчивости? Выше мы убедились, что для этого необходим определенный консонанс интересов. Но как его достичь? Для ответа на этот вопрос нам необходимо рассмотреть, что является детерминантами потоков субъективных интересов внутри общества, или, в рамках данной работы, интересов элитных групп. Так как интересы групп диктуются целями конкретных представителей данной группы, возникает необходимость обратиться к детерминантам деятельности человека. В общем и целом, такими факторами являются мотивы (потребности) и внешняя среда (сила центральной власти, информационный фон и т.д.). Знакомясь с исследованиями психологов, мы видим, что человек стремится удовлетворить, условно, «низшие» потребности: в пище, безопасности, комфорте и т.д. [5, с. 60–68], а также «высшие»: в самоидентификации, уважении, самореализации и т.п. [5, с. 108–112]. Исходя из этого, рассмотрим такие

институты общества и категории, которые могут удовлетворять эти потребности и, как следствие, определять интересы элиты, а также то, как эти категории могут коррелироваться с лояльностью элит как важнейшим ресурсом контрреволюции.

Можно выделить следующее: имущество, власть (сама по себе), а также сохранение, накопление и передача наследникам данных категорий. Кроме того, значимы члены семьи, честное имя (репутация) и соответствие личным моральным и идеологическим установкам. Могут быть добавлены и иные положения, однако здесь коснемся лишь вышеназванных. Рассмотрим их подробнее.

Что касается имущества, под ним подразумевается частная собственность, определяющее значение которой осознавали еще в Античности [1, с. 42–45]. Сюда относят недвижимые и движимые объекты (денежные средства, активы), а также имущественные комплексы (коммерческие и некоммерческие организации).

Причастность к власти и возможность осуществлять ее – категория психологическая, но не менее значимая, так как удовлетворяет потребность в самоактуализации в высокой степени.

Семья – наиболее интимная и эмоциональная составляющая жизни большинства людей, а кроме того, важнейший социальный институт. Поэтому требуется внимательное отношение к этому институту при обновлении, становлении элиты. Желание иметь положительную репутацию сопряжено с удовлетворением части «высших» потребностей: самоидентификацией, самореализацией и др.

Можно отметить, что, при прочих равных условиях, интересы в обществе тем более направлены, чем в большей степени перечисленные выше положения находятся в юрисдикции той общности, с которой элита себя ассоциирует. Благодаря этому образуется взаимозависимость удовлетворения интересов как элит, так и общенациональных. Одновременно с этим сохраняется субъектность элит, так как не происходит отчуждения предпосылок ее становления (частной собственности и т.д.). Для реализации же подобного сценария необходимо создавать благоприятные условия для безопасного хранения материальных, нематериальных ценностей и средств элит внутри общности. К таким усло-

виям относятся конкурентоспособная финансово-банковская система, развитый институт частной собственности, отвечающая вызовам времени система образования, а также ряд других институтов и положений, назвать которые, следуя обозначенной логике, можно внушительное количество.

Соответствие идеологическим и моральным установкам – желание человека оправдать свои действия перед самим собой. Такое желание является бессознательным, но крайне важным.

Национальные интересы остаются значимым фактором политической жизни и сегодня, а потому не учитывают их при рассмотрении революционных и контрреволюционных событий невозможно.

Безусловно, аксиологический подход в теории элит далеко не универсален, так как объективно не все представители элиты являются эталоном интеллектуального превосходства и нравственности [8, с. 194–196]. Поэтому, определяя бессознательные мотивы действий элит, опираться лишь на аксиологическую составляющую неоправданно. Тем не менее определенные базовые принципы ценностного характера имеют место быть всегда: личный успех и желание большего, благо своей семьи (клана) и т.д. Рассматривая те или иные базовые принципы, можно отталкиваться, условно, от положений более индивидуалистического или более коллективистского характера. Индивидуализм,ощряя утверждение самодовлеющей ценности человека, безусловно, способствует повышению внимания к личности, ее потребностям, правам и свободам. Это приводит к положительным результатам в предпринимательстве [2, с. 33–53], творческих видах деятельности, науке и т.д. С другой стороны, в определенных сферах человеческой деятельности концепции «чистого» индивидуализма могут привести к абсурдному дуализму. Так, государство есть институт, ко-

торый призван защищать интересы общности в целом, а не отдельных «частей». Однако государство — это аппарат управления, состоящий из огромного множества людей. Соответственно, и состоящие на госслужбе, и связанные с ней граждане должны, теоретически, преисполняться идеями служения именно всему обществу. Но насколько это возможно в условиях всеобъемлющего распространения индивидуализма? Ведь во главу угла ставятся индивидуальные интересы, а значит, применяется к каждому конкретному чиновнику, сугубо собственные. Так, в условиях социально-экономического кризиса такой чиновник, в теории, быстрее найдет оправдание для противоправных схем обогащения. То же можно сказать и о представителе элиты. С этой точки зрения рациональное понимание возможностей элиты, диктуемое альтиметрическим подходом, также является палкой о двух концах, так как в нем отсутствует интуитивно осознаваемая ценностная шкала оценки деятельности. Такое «разлагающее» воздействие может распространяться не только на элитные группы, но и на весь бюрократический аппарат. Это объясняется тем, что элита выступает референтной группой для всего общества и, в особенности, для государственного аппарата. Поэтому включение в процесс образования потенциальной замены политической элиты теоретически обоснованных и законченных аксиологических элементов идей, условно «общего блага», может сформировать не только рационально-прагматичное понимание своих возможностей при получении власти, диктуемое политической социологией, но и идеализированное понимание справедливого, высокоморального, а потому должного, которое дает нам политическая философия. Таким образом, изменение информационного фона (отчасти, той самой среды) в процессе социализации будущей элиты может положительно отразиться на ее поведении в кризисных ситуациях, к коим относятся также и события революционного и контрреволюционного характера.

Мы рассмотрели государство в идеализированном состоянии, затрагивая лишь эндогенные факторы, оказывающие воздействие на элиты. Тем не менее помимо внутренних существуют также и внешние факторы, о чем писалось выше. Является ли внешнее воздействие на систему вредоносным или полезным,

в особенности в условиях событий описанного выше характера? Думается, однозначного ответа быть не может. Субъективная (для некоторого общества) полезность или вредность того или иного внесистемного воздействия определяется сущностью преследуемых иной общностью интересов. Определить же, абстрактно выражаясь, «направленность вектора» чужеродного интереса можно, опираясь на объективные условия, которые были перечислены выше. В упрощенном виде это можно представить так: субъекты имеют тем более общие долгосрочные интересы, чем большее число положений их связывает: цивилизационное, конфессиональное, историческое, этническое, стратегическое, географическое, идеологическое, и чем более комплементарными пространствами они обладают. С определенной степенью уверенности можно сказать, что при несоответствии интересов двух политических субъектов, при прочих равных условиях, каждый из них будет стараться ослабить своего конкурента всеми доступными средствами. В таком случае внешнее влияние на проводимую политику посредством влияния на элиты может быть резко негативным, так как интересы одного будут осуществляться за счет интересов другого.

Мы ознакомились с долгосрочными интересами и принципами их совпадения или расхождения. Нужно также обозначить, что краткосрочные интересы субъектов весьма часто различны: на это влияют конъюнктура, внешнее давление, чувствительность того или иного вопроса и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что элитные группировки, идущие в русле влияния внешних субъектов, могут принести как пользу своему обществу, так и непоправимый вред. В первом случае власть будет устойчива, во втором — шатка и зависима от воли патронов.

Теперь после рассмотрения роли внешнего влияния перейдем к актуальности национальных интересов. Не устарело ли само понятие национальных интересов в условиях интенсификации глобализационных процессов и распространения «общечеловеческих ценностей»? Вполне вероятно, что объединенное человечество — логическое завершение той тенденции к укрупнению политико-правовых общностей, которое проследживается с далеких времен. Однако на данном этапе развития человечества вряд ли можно говорить о потенциальности подлинного планетарного

единства. Различие интересов субъектов все еще является «камнем преткновения». С другой стороны, предлагаемые сегодня «общемировые ценности» имеют зачастую ярко выраженный европоцентристский или «западный» характер (как модель цивилизации, куда относят Европу, Северную Америку, Австралию и т.д.) [11, с. 20–21], а потому объединение на этой основе представляется с трудом. В этой связи конкуренция между участниками партии на «великой шахматной доске» не только оправданна, но и всецело необходима, тем более если конечной целью видится единый мир.

В то же самое время можно констатировать, что сущность национальных интересов претерпевает изменения, так как интересы общностей все сильнее переплетаются. Наблюдается переход к условно супернациональным (наднациональным) интересам, которые совмещают в себе смыслы подлинных долгосрочных национальных интересов ближайших общностей (с точки зрения экономических, культурных, исторических и др. взаимосвязей). Такая позиция видится оправданной ввиду того факта, что небольшим (в экономическом смысле) образованиям все сложнее выдерживать конкуренцию с развитыми экономиками, а потому актуальность и интенсивность интеграционных процессов в последние годы увеличиваются.

Таким образом, национальные интересы остаются значимым фактором политической жизни

и сегодня, а потому не учитывать их при рассмотрении революционных и контрреволюционных событий невозможно.

Теперь, когда мы рассмотрели взаимосвязь революции и контрреволюции с интересами элит, сущность факторов, определяющих эти интересы, а также роль таких значимых категорий, как национальные интересы, внешнее влияние, роль глобализационных процессов, можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, революции и контрреволюции сами по себе нейтральны. Полезность или вредность для общности определяется доминирующим вектором интересов, который определяет смысловое наполнение революции или контрреволюции.

Во-вторых, краеугольным камнем в процессах революционного и контрреволюционного характера являются элиты и их интересы.

В-третьих, определенная взаимосвязанность интересов элит и интересов национальных способствует реализации как первых, так и вторых.

В-четвертых, внешнее влияние на интересы элит и на интересы некоторой общности может быть как содействующим развитию данной общности, так и наоборот.

В-пятых, национальные интересы сегодня остаются категорией, с которой вынуждены считаться элиты. Тем не менее игнорировать тенденцию к преобразованию национальных интересов в супернациональные не стоит.

Список источников

1. *Аристотель*. Политика / пер. с греч., предисл. и послесл. С.А. Жебелева. Примеч. и коммент. А.И. Доватура. М.: Академический проект, 2015. 318 с.
2. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. 688 с.
3. *Конфуций*. Суждение и беседы / пер. с кит. П.С. Попова. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2015. 224 с.
4. *Макиавелли Н.* Государь / пер. с ит. М. Юсима. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2014. 512 с.
5. *Маслоу А.* Мотивация и личность. 3-е изд.: пер. с англ. СПб.: Питер, 2007. 352 с.
6. *Монтескье Ш.* Библиотека Гумер [Размышления о причинах величия и падения римлян]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Montesk/ (дата обращения: 13.05.2017).
7. *Монтескье Ш.* О духе законов // Избранные произведения / Общ. ред. и вступ. ст. М.П. Баскина; пер. А.Г. Горнфельд. М.: Гослитиздат, 1955.
8. *Моска Г.* Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187–198.
9. *Платон*. Государство / пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. Вступ. ст. Е.Н. Трубецкого. Коммент. В.Ф. Асмуса. Прим. А.А. Тахо-Годи. 2-е изд. М.: Академический проект, 2015. 398 с.
10. *Философский энциклопедический словарь* / Советская энциклопедия. М., 1984. 840 с.
11. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2017. 576 с.